

Светлана Замлелова

Скверное происшествие



Светлана Замлелова
Скверное происшествие

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168807
А Бог всё-таки есть...: Компания Спутник+;*

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

27

Светлана Замлелова

Скверное происшествие

*И, по причине умножения беззакония, во многих
охладеет любовь.*

Мф 24:12



Город наш хоть и небольшой, но довольно знаменитый. Когда-то, очень давно, он назывался Богоявленском. И площадь его украшал великолепнейший собор с колокольной. Город славился своими обувщиками – у нас шили известные чуть не всему миру козловые сапожки. Судить о том, как выглядел когда-то наш город, можно, посетив краеведческий музей. Постоянная экспозиция даёт исчерпывающее представление, тем более что наш местный умелец, всем известный пьяница Поцелуев, в одну из редких минут своей трезвости соорудил макет Богоявленска. Руководимый директором нашего музея Клавдием Маркеловичем Аминадавовым, почтеннейшим старичком и старожилом нашим, Поцелуев воссоздал город по старинным фотографиям и документам. Макет, размещившийся под стеклянным колпаком, является гордостью нашего музея. Воссоздано всё до мельчайших деталей. Оглядывая макет Поцелуева, вы увидите, что город

наш разделён на четыре части водой – большой, полноводной рекой и двумя, впадающими в неё с разных сторон, маленькими речушками, почти ручьями. На левом берегу большой реки, у самого устья, на стрелке, громоздится тяжёлый, неповоротливый и немного неуклюжий собор, а рядом с ним тянется вверх тоненькая колоколенка. Собор похож на купца с бородой, а колокольня – на его дочь, не научившуюся ещё быть купчихой, бледную, худенькую гимназисточку.

От соборной площади бегут во все стороны узенькие улочки, мощёные круглым, гладким и блестящим от множества ног, камнем, так что кажется, будто рассыпали по городу яблоки. Дома в нашем городе почти все были каменные или с каменным низом и деревянным верхом. Многие с мезонинами. Был у нас и городской сад, где в беседке играл небольшой оркестр. Был у нас и вокзал с деревянным перроном, была пристань с дебаркадером, было множество маленьких церквочек, был даже мост инженерной работы. И всё это, представьте, видно на макете Поцелуева! Своё нынешнее название город получил в честь товарища Упыревича, Моисея Соломоновича, когда-то побывавшего проездом в Богоявленске и даже будто бы подвергнувшегося здесь покушению. И вот именно в память об этом событии город наш стал именоваться Упырёвском. Впрочем, может быть, и покушения-то никакого не было, а всё это выдумки досужих фантазёров. Как бы то ни было, памятник товарищу Упыревичу, местночтимому революционеру, до сих пор красуется

на главной площади города.

Отдав предпочтение имени заезжего революционера, город очень скоро переменялся, как будто вместе с прежним именем вышла из города его душа. Почему-то перестали делать козловые сапожки. Собор закрыли и устроили в нём конюшню. Стены его, покрытые фресками, исписали и изрисовали углём. Городской сад вырубил, оркестр, говорят, расстреляли. Взорвали почти все маленькие церковки, а из каменных двухэтажных домов выселили жильцов. В одном из таких домов разместились Губчека, и вскоре за домом закрепилось прозвание «пыточная». Так до сих пор и говорят у нас в городе: «А вот, что рядом с пыточной...», «Как пыточную пройдёте, так налево...» Теперь в этом старинном доме открыли кафе. Называется оно «У Пыточной».

Булыжные мостовые со временем залили асфальтом, который, как известно, не очень-то долговечен и требует подновления. Но на подновление асфальта денег в казне не водится, и теперь наши улицы выглядят так, как будто их готовили под посев. Не знаю, в чём уж тут дело, в названии ли, в чём ли другом. Но только наш Упырёвск и Богоявленск на макете Поцелуева – два совершенно разных города.

Поцелуев, кстати сказать, презанимательнейшая личность и тоже своего рода достопримечательность наша. Он, сколько себя помню, возбуждал во мне сильнейшее любопытство. Большую часть своего времени он бывает пьян. Он часто шагает один по городу, тянет какие-то дурацкие песни, при-

стаёт с разговорами к прохожим. А между тем, все в городе знают, что этот самый Поцелуев – не простой пьяница. У Поцелуева светлая голова и золотые руки, и захоти только, он мог бы стать самым богатым человеком в городе. Он резачит такую мебель, какую и в столицах не сыщешь. И, когда бывает трезв, принимает заказы. Два года назад город зачем-то заказал у него десять деревянных медведей в натуральную величину. И теперь тут и там на улицах Упырёвска сидят поцелуевские медведи и, по-моему, только пугают приезжих – свои-то уже привыкли. Клавдий Маркелович, мечтой которого давно уже был макет Богоявленска, собрал, наконец, денег и тоже обратился к Поцелуеву. Но Поцелуев выказал себя патриотом и денег за работу не взял, чем привёл Клавдия Маркеловича в совершенный восторг и приобрёл в его лице искреннейшего почитателя и преданнейшего друга.

Какое-то время назад Поцелуев вдруг исчез из города. Вскоре, однако, выяснилось, что он отправился в Сочи – приятель, работавший на судоверфи, пригласил его подрабатывать. Судоверфь получила заказ от некоего нувориша, решившего обзавестись собственной бригантиной. Поцелуеву предстояло потрафить заказчику, достойно решив внутреннее убранство кают и салона – заказчик попался с фантазией. И вот, когда уже довольный заказчик разбил о борт бутылку шампанского, когда судно уже было спущено со стапелей и ветер в нетерпении рвал паруса на грот-мачте, когда священник окропил корму, благословив «корабль сей», вот тут-

то корабель, оставшись после торжества на судне одни, решили отметить окончание работы в узком кругу. Не известно в точности, что именно они предприняли для этого случая, достоверно известно одно: очнулись они... в территориальных водах Турции. Корабль вместе с мореплавателями немедленно арестовали турецкие власти, при этом ни у кого из участников круиза не оказалось при себе ровнёхонько никаких документов. Когда наконец дали знать хозяину парусника, тот не заставил просить себя дважды и немедленно явился в Турцию вызволять судно – он сбился с ног, разыскивая свою пропажу. После недолгих переговоров с турецкими властями, безуспешно пытавшимися разгадать тайный смысл вторжения с моря, он увёл бригантину обратно в Сочи.

За свою работу Поцелуев и компания не получили ни копейки. Говорят, они ещё дёшево отделались: разгневанный хозяин грозил оставить их в Турции, уверяя, что продать бездокументных туристов ему ничего не стоит. Жаль, говорил он, таких дураков не купит никто. Но, к счастью, обошлось без работорговли. Так что обогатённый впечатлениями Поцелуев благополучно вернулся из плавания в Упырёвск. А вернувшись, немедленно удивил всех нас новой своей выходкой. Внезапно выяснилось, что Поцелуеву опостылело собственное прозвание. Вот почему в один прекрасный день он отправился в ЗАГС и с тех самых пор на совершенно законных основаниях стал называться... Керенским.

По городу пошла потеха! Встречая теперь Поцелуева, никто не мог удержать улыбки. А самые разговорчивые непременно высказывались:

– Здравствуйте, Александр Фёдорович! Наше вам... Женское платье не требуется?..

И только Клавдий Маркелович отнёсся к Поцелуеву с состраданием.

– Полноте, голубчик! – уговаривал он Поцелуева-Керенского. – Что это вы удумали?.. У вас превосходная фамилия – преоригинальная, звучная, такую ещё поискать... Я – Аминадавов, и то не ропщу и не помышляю о перемене фамилии, а вам-то уж и подавно грех... Ну вы же умный человек! Поймите же, что это, наконец, глупо! Ну с какой стати вам быть Керенским? Над вами мальчишки смеются!.. Прошу вас, друг мой, ступайте в ЗАГС и верните свою прежнюю фамилию. Уверю вас, так будет лучше... Уверю вас...

Клавдию Маркеловичу удалось убедить Керенского снова стать Поцелуевым.

Но в городе обо всех этих поцелуевских выкрутасах было вскоре основательно забыто, потому что случилось нечто, целиком завладевшее на время умами горожан.

* * *

Об этом происшествии ещё долго судачили в городе. И даже в одной из центральных газет петитом прошло сообщение

о том, какие прескверные случаи имеют место в нашей провинции. Что, в частности, в Упырёвске пьяный бомж удавил свою сожительницу, а после и себя лишил жизни. Конечно, всё это сущая неправда. А кроме того, нестерпимо грубое и пошлое упрощение. Дескать, напился человек и давай с пьяных глаз людей давить. И поскольку я была свидетельницей и даже в некотором роде участницей событий, я сочла своим долгом пролить свет и рассказать всю правду о случившемся. А главное, о своём брате, этом несчастном, но интереснейшем человеке, так бестолково окончившем свою жизнь.

Хоть брат был тремя годами меня моложе, он имел несомненное на меня влияние. Это был самый оригинальный человек из всех, с кем доводилось мне водить знакомство. Ещё в детстве он отличался беспокойным воображением, безудержной фантазией и совершенно необузданной энергией. Мало того, он обладал замечательными способностями и какой-то необъяснимой, подчас смешной даже, страстью к обучению. Будучи уже взрослым, он с удовольствием учился всему подряд. Учёба стала для него своего рода развлечением. Так, неизвестно зачем, он самостоятельно выучился игре на балалайке, норвежскому языку, постановочной фотосъёмке, стенографическому письму и ещё многим другим совершенно бесполезным для себя премудростям. Учился он легко и азартно, довольно скоро достигал известной степени мастерства. Но лишь удостоверившись, что вполне освоил предмет, он тотчас терял к нему всякий интерес, забрасывал

и принимался ломать себе голову над тем, чему бы ещё поучиться.

В школе учился он отлично. Схватывал быстро, запоминал без труда. Кое-кто из учителей отмечал в нём способности яркие, могущие при нужном усилии и направлении раскрыться сильным талантом. И это притом, что учителя терпеть его не могли как первого сорванца, как нарушителя всяческой дисциплины и спокойствия. Он и нескольких минут не умел просидеть спокойно, выдумывая всё новые и новые шалости и вовлекая в них остальных детей. Не было более остроумного выдумщика, чем мой брат. Но шалостям его никогда не сопутствовала жестокость: это был добрый ребёнок. Несмотря на всю свою резвость, брат обожал книги. Замечательной особенностью его было то, что читал он всё без разбора. Но, в отличие от гоголевского Петрушки, непременно пытался вникнуть в прочитанное, удивляя подчас старших наивно высказанными, но вместе с тем тонкими и дельными по сути замечаниями. Книжные герои тотчас становились его кумирами. И он спешил перенести действие со страниц книги во двор, где, разъяснив своим приятелям смысл игры, раздавал роли и как режиссёр требовал точного их исполнения. Товарищам его необыкновенно нравились эти игры, как и прочие придумки, на которые брат был неистощим. И потому вокруг него всегда собирались кружки поклонников.

Другими словами, все, кто знал моего брата ещё в детстве, все признавали его за человека одарённого и необыч-

ного. Все, кроме нашего семейства.

Так уж вышло, что попрекать и высмеивать брата сделалось какой-то всеобщей привычкой среди наших сродников. Может быть, отчасти это происходило оттого что брат был младшим из всех и само собой возбуждал некоторое высокомерие в каждом. А может, и оттого что тётя Амалия как-то особенно невзлюбила брата. А поскольку тётя Амалия задавала тон всему нашему семейству, то, возможно, нерасположение её к брату передалось остальным.

Раз уж я заговорила о тёте Амалии, то стоит же сказать о ней несколько особых слов, потому что тётя Амалия по-своему замечательная личность. Замечательна она, прежде всего, тем, что ничем не замечательна. Я объяснюсь.

Тётя Амалия – одна из двух сестёр мамы, не самая старшая – всегда была самой обыкновенной женщиной, от рождения своего предназначенной к семейной жизни, но, по странной насмешке судьбы, своей семьи так никогда и не имевшая. Вожделенное с юных лет личное счастье, необходимое тёте Амалии как актёру слава, а торговцу деньги, сделало несчастную тётю Амалию какой-то невозможной мечтательницей. Прежде всего, она забрала себе в голову, что именно ей непременно суждено дождаться идеального человека, который будто бы однажды явится к ней с букетом белых роз и увезёт из Упырёвска в совершенно иные края, где в изобилии все блага и наслаждения, доступные смертным. Идеальный человек этот представлялся тёте Амалии сгуст-

ком всевозможных достоинств: красив, молод, умён, воспитан и благороден, образован настолько, что полиглот, хорошей фамилии, не без капитала и так далее всё в том же духе. Женихам, что увивались вокруг неё наяву, тётя Амалия беспощадно отказывала, терпеливо дожидаясь, когда же явится идеал. Но время шло, братья тёти Амалии переженились, сёстры повыходили замуж – тётя Эмилия так и вовсе за московского чиновника, – а идеал всё не являлся. Когда же наконец тётя Амалия очнулась от своих грёз, она нашла себя уже в том возрасте, когда мечтать о подобных вещах бывает уже смешно да и неприлично. Действительность, жестокая и насмешливая, развернулась перед тётей Амалией. Бедняжка пришла в ужас. Но, наплакавшись и настрадавшись, она вдруг отдалась новой мечте. Ей как будто стыдно сделалось своих напрасных ожиданий, своего полиглота с букетом (ну откуда у нас в Упырёвске полиглоты!), и она поспешила убедить себя и окружающих, что попросту жизнь её не задалась с самого начала, что на роду ей написаны всякие несчастья и одиночество и что от судьбы не уйдёшь.

И действительно, судьба точно смеялась над тётей Амалией. Тогда же случилась следующая престранная история. Одна из ближайших приятельниц тёти Амалии, отправившаяся на заработки в жаркую страну, свела там дружбу с аборигенами. И вот однажды без всякой задней мысли предложила вниманию своих новых знакомцев фотографические карточки, которые она захватила с собой из дома. Предполагалось,

что карточки будут служить ей напоминанием о далёкой Родине. Среди прочих карточек оказался и довольно удачный портрет тёти Амалии, незамедлительно привлёкший внимание одного из зрителей. Смуглый красавец со звонким и непривычным для русского уха именем, разузнав кое-что о возрасте и семейном положении тёти Амалии, испросил следом дозволения написать ей письмо. Приятельница тёти Амалии рассудила, что, с одной стороны, «чем чёрт не шутит, может, у них что и выйдет», а с другой стороны, даже если и ничего не выйдет, то всё равно весело будет. И дала адрес.

И вскоре тётя Амалия получила два письма в красивых длинных заграничных конвертах. Одно письмо было от приятельницы, которая в самых лестных выражениях рекомендовала своего протеже. С её слов выходило, что он красив, молод, умён, воспитан и благороден, образован настолько, что полиглот, хорошей фамилии, не без капитала и так далее. Тётя Амалия насторожилась. И уже не без дрожи в руках вскрывала следующий конверт, подписанный звонким и непривычным для русского уха именем. Письмо было составлено в почтительно-сдержанной манере. На хорошем русском языке автор просил прощения, что осмелился писать, извиняя, впрочем, свою дерзость неотразимой будто бы красотой тёти Амалии и тем неизгладимым впечатлением, какое красота эта на него произвела. Далее он выражал надежду, что не будет отринут и что в скором времени тё-

тя Амалия почтит его ответным письмом. Тут же в конверте оказались и фотографии автора, с которых глядел на тётю Амалию чудесный брюнет. Резкоочерченный профиль, томный взгляд, бархатные полоски бровей, замысловатый рисунок губ и чёрная мушка у правой ноздри – всё это возымело своё действие незамедлительно. Приятельница не обманула. Тётя Амалия и сама находила, что новый знакомый красив, молод, умён, воспитан, полиглот и, кто знает, быть может, это его она ждала так долго.

Тётя Амалия недолго колебалась с ответом. Завязалась переписка. Спервоначально шли письма неинтересные: предлагались рассказы о родственниках, о домашних животных, об учёбе и работе. Выяснилось, кстати, что новый знакомый тёти Амалии учился в Минске. Но уже скоро тон писем переменился. «Что день без тебя? – спрашивал черноокий красавец у тёти Амалии. И тут же сам отвечал. – Шкатулка без драгоценностей, опустевший дворец, русло пересохшей реки. Что я без тебя? Лоза без гроздей. Раковина без жемчужины. Шиповник без роз».

«Я шёл по городу, – продолжал он, – и встретил старика. Глаза его не видели, а борода была белее снега. “Где моя любимая?” – спросил я у старика. “Я не знаю, где твоя любимая, – грустно покачал головой старик. – Глаза мои не видят, а борода моя белее снега. Спроси у своего сердца. Сердце знает, где твоя любимая”. “Где моя любимая?” – спросил я у своего сердца. Но сердце моё молчало. “Ответь, ты знаешь,

где моя любимая?» – спросил я в другой раз. Но сердце снова молчало. «Скажи мне, где моя любимая! – вскричал я. – Или я вырву тебя из груди моей! Зачем мне сердце, когда любимой нет рядом?!» И тогда сердце сказало мне: «Твоя любимая в той далёкой стране, где не садится солнце». И я понял, о ком говорило мне моё сердце».

В другой раз пылкий южанин писал: «Чему уподоблю лик твой? Лик твой уподоблю я солнцу, ибо как солнце светом своим, лик твой красотой затмевает очи. Чему уподоблю стан твой? Стан твой уподоблю кипарису. Ибо как силуэтом не сравнится никакое дерево с кипарисом, так никакая дева не сравнится с тобой стройностью стана. Чему уподоблю ноги твои? Ноги твои уподоблю колоннам древнего храма, ибо нет более совершенной формы». И так далее.

Сам ли он находил эти слова или же заимствовал из литературных источников – право, не знаю. Главное, что тётя Амалия принимала всё за чистую монету. И если первые её письма к нему были осторожны, то раз от разу они делались нежнее и доверчивей.

Потом он стал писать, что любит детей. Потом со всем красноречием, на какое был способен, обрисовал их будущий дом, и у них завязался даже спор о цвете стен в будущей гостиной. А уж когда он, вызнав номер её телефона, стал иногда вечерами звонить ей, и тётя Амалия, наслаждаясь звуками его нежного тенора, замирала от мысли, что вот, *он* тратит на неё свои деньги, – не оставалось больше ника-

ких сомнений, что тётя Амалия окончательно повреди́лась.

Она перестала быть одинокой. У неё теперь был жених, были его фотографии, его письма, время от времени они говорили с ним по телефону. Тётя Амалия завела даже специальную книжечку, где подсчитывала, сколько приблизительно денег он тратил на переговоры с ней. Цифры приводили её в пущий восторг.

Тётя Амалия сделалась игрива и весела – она влюбилась. Влюбилась в призрак, в мираж, в фотографическую карточку, в голос из телефонной трубки. Но мало того, этот призрак совершенно заслонил перед ней реальную жизнь. Все мысли её сводились теперь к одной. Всякий разговор она старалась навести на одну-единственную интересную ей тему. Ей вообразилось, что вокруг всем только и дела, что до её переписки. Встречаясь с кем-нибудь глазами, она краснела и без видимых причин принималась глупейшим образом хихикать. Получая подарки, она усматривала в них намёки на свою связь и, возбуждая в дарителях недоумение, кокетливо переспрашивала, правильно ли разобрала намёк...

Переписка продолжалась что-то около года – возлюбленный тётя Амалии не очень-то торопился увидеть свою невесту. А потом тётя Амалия получила письмо, которым любимый уведомлял её о своей женитьбе. «Так хотела моя мама, – писал он. – Эту девушку мама всегда мечтала видеть моей первой женой». И дальше, прибавив что-то невразумительное о стране, «где холодное лето», бодро предлагал тётя Ама-

лии стать второй его женой, уверяя при этом, что у него достанет средств на её содержание. Поразмыслив, положению второй жены тётя Амалия предпочла положение несчастной влюблённой.

Спросят, откуда известны мне все эти тайные, в некотором роде даже интимные, подробности. Не стану скрывать, что ещё несколько лет назад в руки мне попала пачка пожелтевших писем, очень красиво перевязанных розовой ленточкой и переложённых высохшими цветками. Преимущественно розами. Кстати, поверх писем покоилась та самая книжечка, в которой тётя Амалия производила расчёты, пытаюсь перевести чувства своего обожателя в цифры.

Кое-что я не раз слышала от мамы да и от самой тётки Амалии – ведь для неё история эта сделалась красивой легендой, сказкой с личным участием. «Нет печальней повести на свете», – писал Шекспир. Так же точно написала бы и тётя Амалия, если бы ей только вздумалось описать историю своей любви с темноглазым красавцем. Историю двух влюблённых, волею обстоятельств и людей не смогших воссоединиться. И странное дело! Тётя Амалия никогда не винила ни себя за легкомыслие и самообольщение, ни своего возлюбленного за подлость, безответственность и предательство. Она даже высказалась в том смысле, что послушание и нежность к матери достойны всяческого восхищения. Тётя Амалия кляла судьбу. Прежняя догадка, что жизнь не задалась изначально, подтверждалась.

Женихов, чьи ряды заметно поредели, тётя Амалия всё также безжалостно гнала от себя, уверенная, что «всё это не то» и что «ничему этому не суждено сбыться». И вот, раздражённая этой новой своей фантазией, тётя Амалия начала задумываться. Одна беспокойная мысль стала время от времени посещать её. «Как-то это несправедливо...» – думала порой тётя Амалия, поглядывая украдкой на свою младшую сестру. Братья и тётя Эмилия мало занимали тётю Амалию. Но мириться с тем, что младшая сестра получила от судьбы то, о чём мечтала и чего так и не получила она, старшая, оказалось для тётю Амалии непростым делом.

И вот тут-то ей подвернулся мой брат, бывший тогда ещё только ребёнком, но уже привлекавший к себе внимание и подававший некоторые надежды. И если я была самым обыкновенным дитятей, серым и неприметным, а потому не могущим раздражить её, то брат мой, сам того не понимая, был слишком ярок и необычен. Он был слишком заметным напоминанием тётю Амалии о том вождеденном, что могло бы быть в её жизни, но что уж, конечно, было навеки упущено.

Вся тоска по несбывшемуся, сожаление об утраченном, досада на судьбу обернулись в тётю Амалии, разом и вдруг, неприязню и предвзятостью к маленькому племяннику. Казалось бы, в её положении, когда нерастраченная любовь сохраняется и накапливается в сердце, чтобы однажды излиться через край, тётя Амалия должна была бы щедро одаривать ею всех своих близких. Но тётя Амалия оказалась разборчи-

вой. Её любви достало лишь на нескольких избранных, хотя она и попыталась представить, будто силою обстоятельств вынуждена печься о всеобщем благе.

С некоторых пор она как-то уж очень энергично принялась жалеть нашу маму, сокрушаясь о том, какие хитрые, гадкие, бестолковые и бесталанные у неё дети. Между тем, любимцем тёти Амалии был мой старший кузен – сын одного из дядьёв. Этому кузену тётя Амалия приписывала никогда не бывшие у него достоинства, присовокупив к тому, что «мальчик наивен, доверчив и слишком простодушен». Случалось, тётя Амалия принималась вздыхать, сокрушаясь, что «мальчика так легко обмануть!» Однако я знала его совсем с другой стороны.

В детстве он развлекал себя тем, что поджигал голубям хвосты, вешал в лифтах кошек. Бросать камнями по лягушкам, вылезшим из пруда погреться на солнышке, было самым невинным из его развлечений. До сих пор мне неприятно вспоминать, что из постыдного малодушия, человекоугодия, боясь показаться ему глупым, плаксивым ребёнком, с которым не интересно играть, я не просто не возмущалась, но и подавала ему эти камни.

Как-то раз мы с мамой увидели на дороге мёртвого воробья, который, должно быть, врезался на лету в машину. Вид этого воробья с подобранными и скрюченными лапками, плотно, скорбно сжатым клювиком и закрытыми глазками-бусинками неприятно подействовал на меня. Помню, ме-

ня почему-то поразило, что, погибая, воробей успел закрыть глаза. Встретив вечером того же дня кузена, я рассказала ему о бедной птахе. Кузен внимательно выслушал и немедленно захотел видеть мёртвого воробья. Мы отправились с ним к тому месту. Воробей лежал у бордюрного камня в придорожной пыли. Наверное, кто-то нарочно отбросил его сюда с дороги. Присев перед птицей на корточки, кузен осмотрел воробья и заявил: «Мы его похороним... Тут всё равно кошки съедят...» Помню, когда он поднял воробья за одну лапку, мне стало чего-то стыдно и жаль. Но я не посмела сказать об этом кузену. Боясь показаться ему глупой, я молчала и с показным безразличием повиновалась ему. Мы отошли в сторону от дороги, и кузен бросил воробья на траву. Потом, отыскав какую-то палочку, принялся копать ямку. Вскоре ямка была готова, и кузен носком ботинка столкнул в неё воробья. Тут он поднял на меня глаза, бессмысленно посмотрел секунду, точно что-то соображая, и вдруг оживившись, воскликнул:

– Нет! Мы его кремируем!..

И, воодушевлённый своей новой идеей, принялся собирать в кучу сухие ветки. Когда костёр был готов, он уложил в самую его середину воробья и поджёг. Пламя занялось сразу, но тушка горела медленно. Медленно и обезображивалась. Кузен был в восторге. Он не спускал глаз с костра, шевелил горевшие ветки и всё чему-то смеялся. Мне было приятно, что я сумела доставить ему удовольствие – ведь это я указала

на мёртвую птицу. Но вместе с тем, меня мучило подозрение какой-то своей вины, мне казалось, что я сделала что-то очень скверное.

Наконец птица кое-как сгорела. Присыпав останки несчастного воробья землёй, кузен действительно устроил что-то вроде могильного холмика, в головах которого воткнул «крест». Сложив вместе две палочки, он переплёл их полоской коры, и такой-то «крест» водрузил на «могиле» маленькой птички, чей трупик на какое-то время стал ему игрушкой.

Весь вечер я старалась не думать о воробье. Но, улёгшись спать, я вдруг вспомнила поджатые скрюченные лапки, плотно сжатый клювик, прикрытые бусинки-глазки – и разрыдалась. Мне вдруг показалось, что этот бедный воробушек был нашим с мамой секретиком, чем-то, что объединяло только нас двоих. И, допустив к этой тайне кузена, я как будто совершила предательство. И сама же, своей рукой разрушила эту связь с мамой. Сначала мне стало страшно: казалось, что-то потеряно навсегда. Потом меня охватил стыд и жалость чуть не ко всему живому. Я долго плакала в ту ночь. О пережитом я никому не рассказывала, потому что не знала тогда, как объяснить своих чувств...

О подобных «шалостях» кузена в нашей семье было хорошо известно. Но их не просто извиняли, как непреложные мальчишеские потехи, но даже и добродушно посмеивались. Дескать, вишь, стервец, что удумал!

Тётя Амалия, потерпевшая неудачу в устройении личного счастья, в какой-то момент вообразила, что назначение её – в служении ближним. Совершенно искренно она уверовала сама и в короткие сроки убедила в том окружающих, что наделена будто бы какой-то особенной добротой. И что доброта эта заставляет её радеть обо всех и буквально забывать о себе.

Я не помню, чтобы тётя Амалия когда-нибудь жертвовала собой или предпринимала что-то, не сообразующееся с её собственными интересами. Все свои благодеяния тётя Амалия отлично помнила и не считала лишним иной раз напомнить о них облагодетельствованным. Но зато тётя Амалия умела порой очень убедительно вскрикивать при упоминании о чужих неурядицах. Правда, зачастую этими вскрикиваниями да ещё разве слезами, на которые она совсем не скупилась, ограничивалось всё участие сострадательной тёти Амалии.

Признаться, я никогда не понимала, как удалось ей так быстро убедить всех в том, чего никогда не было; и что же было в ней такого особенного, что сохраняло авторитет её непрерываемым, а влияние неограниченным. К тёте Амалии, сумевшей так поставить себя, шли за советом даже старшие братья, перед ней исповедовались, ждали её суда. Ей без всякого труда удалось внушить маме, что нам с братом ни в чём нельзя верить, что все наши поступки корыстны. «Это в таком-то возрасте!» – вздыхала тётя Амалия. И что, наконец,

есть другие дети, с которых нам не мешало бы брать пример. Особенно всё это касалось брата. И мама слушала её. И случалось, ни за что обижалась на нас с братом. «Этого я тебе никогда не прощу!» – сурово повторяла она в таких случаях, обращаясь ко мне или к брату, чем приводила нас в ужас. Помню, мне казалось, что это конец, что всё хорошее в моей жизни на этом заканчивается.

И очень скоро тон, заданный тётёй Амалией, был подхвачен и хорошо усвоен всем нашим семейством. В больших сообществах, в стаях, действуют свои законы, требующие жёсткой иерархии и строгой дисциплины. Каждое существо в стае занимает особое место, исполняет особую роль, переменить которую без согласия и ведома остальных бывает почти невозможно. Брату с первых лет его жизни отвели в нашей стае роль мальчика для битья. Тётя Амалия потрудились создать брату репутацию шельмеца. Но поскольку на деле шельмовства никакого не было, то шельмеца глупого, смешного, шельмеца-неудачника, тщетно силившегося надуть кого-то и неизменно раскрываемого. Подлость и хитрость его сделались притчей во языцех. Им не уставали удивляться, а удивляясь – радоваться. Надо сказать, что в семействе нашем издавна прижился дух соперничества. Дядья и тётки всё как будто соревновались между собой: чей стол обильней, чей дом уютней, чьи дети умнее. Сравнивали, у кого из дочерей косички толще. Сравнивали невесток и зятьёв: кто из них больше любит нашу семью, кто больше достоин называться

её членом – точно это была какая-то особенная честь. И вот к вящей радости дядей и тёток, брат, прослав жалким и негодным, не мог больше соперничать ни с кем из их детей.

А «подлость» его была так очевидна, что не заметить её было невозможно. Стоило брату войти в комнату и усесться на стул, как тут же вокруг все приходило в возбуждение, отмечая, что выбран лучший из стульев. Стоило ему взять со стола кусок, немедленно кусок этот оказывался самым жирным и сладким. Стоило попросить о чём-то, как за просьбой тотчас угадывался злой умысел. Брат и шагу не мог ступить, не быв заподозренным в очередной гнусности. Всё, что бы ни сделал, ни сказал брат – всё подвергалось немедленному обличению и осмеянию. Смеялись как-то походя, между прочим. Смеялись, а лучше сказать насмехались, когда брат радовался, когда обижался и жаловался, ища сочувствия, смеялись над его увлечениями и привязанностями. Иногда мне казалось, что если бы вдруг брат тяжело заболел, то и тогда, наверное, все засмеялись и спросили бы у него что-то вроде: «Что, пожить хочется?»

Смех этот довольно скоро сделался таким привычным и всеобщим, таким заразительным, что и родители наши порой не считали для себя нужным удерживаться от насмешек и остреньких словечек в адрес брата. Возможно, происходило это от малодушного стыда. Ведь как часто насмеваются люди над теми, кого любят! Насмеваются зло и жестоко, точно стыдась несовершенства своих любимых и негодую, что

те не потрафили – не довелось их же совершенствами почваниться. Вот мне и казалось, что родители, точно оправдывая себя перед сродниками, брались пересмеивать брата.

А любопытно, что приход человека в мир бывает вызван самыми разнообразными причинами. Нередко дети появляются на свет случайно, просто потому что так уж вышло. А бывает, что рожают себе помощников и опору в старости. У таких родителей дети – своего рода капитал, предприятие, что-то вроде пенсионного фонда. Таких родителей не слишком волнуют чувства и мысли детей. Их идеал – оказаться под старость на содержании и полном довольствии у детей. К этому они идут всю жизнь, и велико их разочарование, если дети вырастают непутёвыми.

Бывает, рожают по необходимости. Ведь знала же я одну мать, интересующуюся антикварной мебелью. Рассуждала она примерно так: «А помру я, кому шкафы мои достанутся?.. А ломберный столик?.. С инкрустацией...» «Да мало ли... – смеялась я в ответ. – Вон хоть государству оставь». «Ну уж нет! – так и взвивалась она от негодования. – Ещё чего!» «Да ведь тебе тогда всё равно будет, кому бы они ни достались!» «Зато мне сейчас не всё равно!» – парировала она, уверенная в моей глупости. Эта особа родила дочку, чтобы завещать ей шкафы и ломберный столик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.